

RU

Политическое столкновение церковной и гражданской власти в позднеантичной Александрии: конфликт патриарха Кирилла и префекта Ореста (412-415 гг.)

Абдулманова И. В.

Аннотация. Цель статьи – определить характер взаимоотношений светской и церковной власти в позднеантичной Александрии на примере конфликта патриарха Кирилла и префекта Ореста (412-415 гг.) через установление степени ответственности церковного иерарха за трагическую гибель философа Гипатии. Научная новизна: в ходе исследования впервые установлено, что конфликт между александрийским патриархом Кириллом и префектом Орестом (412-415 гг.) не был религиозным (христианско-языческим) противостоянием, а представлял собой политическое столкновение двух центров власти в позднеантичной Александрии – церковного и гражданского, – в рамках которого трагическая гибель философа Гипатии явилась следствием борьбы за политическое влияние, а не религиозной нетерпимости. В статье на основе свидетельств Сократа Схоластика и других источников показано, что конфликт был обусловлен борьбой за юрисдикцию над различными группами населения, а его эскалация во многом связана с вмешательством египетского монашества в данный процесс. В результате исследования установлено, что Кирилл, вероятнее всего, не отдавал прямого приказа об убийстве Гипатии, однако его политика по мобилизации монашества и нагнетанию страстей против политических оппонентов создала ту атмосферу нетерпимости, в которой подобное преступление стало возможным. Долгосрочным следствием конфликта стал не упадок, а трансформация александрийской интеллектуальной жизни: убийство Гипатии парадоксальным образом способствовало бесконтрольному росту влияния ямвлихского неоплатонизма в городе.

EN

The political clash of ecclesiastical and civil authority in late antique Alexandria: the conflict of Patriarch Cyril and Prefect Orestes (412-415 CE)

I. V. Abdulmanova

Abstract. The aim of this article is to determine the nature of the relationship between secular and ecclesiastical authority in late antique Alexandria through the case study of the conflict between Patriarch Cyril and Prefect Orestes (412-415 CE), by establishing the degree of responsibility of the church hierarchy for the tragic death of the philosopher Hypatia. Scientific novelty lies in the following: the study establishes for the first time that the conflict between Alexandrian Patriarch Cyril and Prefect Orestes (412-415 CE) was not a religious (Christian-pagan) confrontation, but rather a political clash between two centers of power in late antique Alexandria – ecclesiastical and civil – within which the tragic death of the philosopher Hypatia resulted from the struggle for political influence rather than from religious intolerance. Based on the testimonies of Socrates Scholasticus and other sources, the article demonstrates that the conflict was driven by a contest over jurisdiction concerning various population groups, and its escalation was largely connected with the intervention of Egyptian monasticism in this process. The research concludes that Cyril most likely did not issue a direct order for the murder of Hypatia; however, his policy of mobilizing the monastic community and inflaming passions against political opponents created an atmosphere of intolerance in which such a crime became possible. The long-term consequence of the conflict was not the decline, but rather the transformation of Alexandrian intellectual life: paradoxically, the murder of Hypatia facilitated the unchecked growth of Iamblichean Neoplatonism in the city.

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что проблема взаимоотношений церковной и светской власти в поздней античности остается одной из ключевых в современной исторической науке в связи с целым комплексом причин. Во-первых, это связано с тем, что в последнее время предпринимается попытка переосмыслить эпоху поздней античности, рассматривая её не как период упадка, а как время глубоких трансформаций, в том числе и в сфере государственно-церковного управления. Во-вторых, конфликт Кирилла Александрийского и Ореста обнажает фундаментальную проблему: где заканчивается компетенция епископа и начинается компетенция чиновника? В-третьих, данная тема актуальна для понимания роли негосударственных вооруженных формирований в решении политических вопросов (как в случае участия параваланов в административных вопросах Кирилла). В-четвертых, тема исследования затрагивает вопросы защиты академической свободы и прав женщин в условиях роста клерикального влияния (случай с Гипатией). То есть в данном случае конфликт Кирилла Александрийского и префекта Ореста будет рассматриваться не только как драматический эпизод позднеантичной системы государственно-церковного управления, но и как своего рода модель, позволяющая понять реальные механизмы церковно-политического противостояния в позднеантичном полисе.

Задачи исследования:

1. Проанализировать ключевые эпизоды конфликта на основе сохранившихся свидетельств (прежде всего Сократа Схоластика).

2. Оценить степень ответственности Кирилла Александрийского за убийство философа Гипатии через анализ различных версий древних источников и современной историографии – от полного оправдания до прямого обвинения – с учетом его политики по мобилизации монашества и созданию атмосферы нетерпимости.

3. Определить долгосрочные последствия конфликта для интеллектуальной жизни Александрии, в частности выявить связь между убийством Гипатии и последующей трансформацией философской среды (усиление ямвлихского неоплатонизма, отток и возвращение студентов, изменение характера преподавания).

Среди методов исследования использованы историко-генетический и сравнительно-исторический. Историко-генетический метод позволил проследить динамику конфликта Кирилла и Ореста в хронологической последовательности: от социально-экономических и политических предпосылок (борьба за юрисдикцию над иудейской общиной) через эскалацию (вмешательство нитрийского монашества, нападение на префекта, казнь Аммония) к кульминации (убийство Гипатии). Кроме того, он был использован для установления причинно-следственной связи между убийством Гипатии и долгосрочными изменениями в философской среде Александрии (отток студентов в Афины, возвращение с ямвлихским неоплатонизмом, его бесконтрольный рост, соглашение 489 г. между Аммонием Гермием и Петром Монгом).

Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить различные, порой противоречащие друг другу версии древних источников об ответственности Кирилла за убийство Гипатии, а также проанализировать оценки современных исследователей. Сравнение этих версий дало возможность обосновать вывод о том, что Кирилл, вероятнее всего, не отдавал прямого приказа об убийстве, однако его политика создала ту атмосферу нетерпимости, в которой подобное преступление стало возможным.

Источниковая база исследования представлена прежде всего «Церковной историей» Сократа Схоластика (Socr. Hist. eccl. VII, 13) (Прим. – перевод здесь и далее по изданию: Сократ Схоластик. Церковная история (2014) (под ред. А. В. Серёгина). В отдельных случаях автор вносил уточнения для большей точности, сверяясь с греческим оригиналом по: Socrates Scholasticus (1864)) – наиболее подробного и современного событиям нарратива. Важное значение имеют также фрагменты сочинения Дамаския «Жизнь Исидора» (Damascius, 1967), отражающие неоплатоническую традицию осмысления трагедии, и отдельные свидетельства Иоанна Никиуского (The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, 1916).

Теоретическую основу работы составляют труды зарубежных историков поздней античности, в первую очередь Э. Уоттса (Watts, 2006), М. Дзельской (Dzielska, 1995), Дж. МакГакина (McGuckin, 2004) и К. Хааса (Haas, 1997), которые пересмотрели упрощенные оценки конфликта и предложили нюансированный взгляд на степень ответственности Кирилла за ряд политических процессов в Александрии.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в различных сферах научно-образовательной и экспертной деятельности. Установленное в ходе исследования положение о том, что конфликт Кирилла Александрийского и префекта Ореста носил не религиозный, а политический характер, может быть использовано для корректировки учебных курсов по истории Древнего мира и Византии, где данный эпизод зачастую трактуется упрощённо – как столкновение христианства и язычества. Выявленные механизмы эскалации конфликта представляют интерес для политологов и историков права, изучающих феномен неформальных силовых акторов в политических процессах. Разработанная в статье нюансированная оценка ответственности церковного иерарха за насильственные действия, совершённые его сторонниками, может служить методическим материалом для семинарских занятий по историографии и методологии исторической науки, демонстрируя студентам разницу между «прямой» и «косвенной» ответственностью политического лидера. Вывод о трансформации, а не упадке александрийской интеллектуальной жизни после убийства Гипатии может быть использован в исследованиях по истории философии и образования поздней античности, уточняя устоявшееся представление о «гибели античной науки» как немедленном следствии данного события.

Обсуждение и результаты

Начало патриаршего служения Кирилла сопровождалось рядом драматических событий, во многом определивших характер его отношений с имперской администрацией на последующие годы. Конфликт с александрийским префектом Орестом, развернувшийся вскоре после его вступления на кафедру (412–415 гг.), представляет собой показательный исторический эпизод, позволяющий увидеть реальные механизмы церковно-политического противостояния в позднеантичном городе.

Префект Египта (*praefectus Aegypti*) Орест принадлежал к числу высших имперских чиновников, назначавшихся непосредственно императором. В его руках сосредоточивалась гражданская власть над всей провинцией, включая административное управление, судопроизводство и сбор налогов (Lallemant, 1964, p. 45–60). По свидетельству Сократа Схоластика, Орест был человеком образованным, принадлежал к христианской вере (по-видимому, к умеренному никейскому направлению) и пользовался авторитетом среди александрийской элиты (Socr. Hist. eccl. VII, 13). Конфликт между ним и новым патриархом, таким образом, не был конфликтом между христианином и язычником. Это было столкновение двух центров власти в рамках христианской империи, но в локализованной форме.

Социально-экономические предпосылки этого конфликта коренились в самой структуре позднеантичной Александрии. Город представлял собой сложный конгломерат различных этнических, религиозных и социальных групп, отношения между которыми были далеки от идиллии. Грекоязычная элита, занимавшая ключевые позиции в администрации и экономике, с подозрением относилась к растущему влиянию церкви. Коптское население, напротив, видело в патриархе защитника своих интересов перед лицом имперской бюрократии. Иудейская община, многочисленная и влиятельная, сохраняла автономию и стремилась лавировать между двумя центрами власти (Haas, 1997, p. 120–160).

Первые столкновения между Кириллом и Орестом произошли по вопросу о юрисдикции над иудейской общиной. Сократ Схоластик сообщает, что Кирилл попытался распространить свою власть на иудейские синагоги, требуя, чтобы иудеи подчинялись церковному суду в гражданских делах (Socr. Hist. eccl. VII, 13). Орест, опиравшийся на давние привилегии иудейской общины, восходившие еще к эпохе Птолемеев, решительно воспротивился этому. Конфликт обострился, когда толпы христиан, подстрекаемые, по словам историка, «некоторыми из клира», начали нападать на иудейские кварталы, грабя и разрушая синагоги.

Вопрос о степени ответственности Кирилла за эти беспорядки остается дискуссионным. Сократ не утверждает прямо, что Кирилл отдавал приказ о погромах. Он пишет: «Ὁ δὲ Κύριλλος... ἐξέλαυνε τοὺς Ἰουδαίους τῆς Ἀλεξανδρείας» (Socr. Hist. eccl. VII, 13). / «Кирилл же... изгоняет иудеев из Александрии». Греческий глагол *ἐξέλαυνε* (изгоняет) может указывать как на прямое действие, так и на санкционирование уже совершившегося факта. Иоанн Никиуский, египетский епископ VII века, в своей хронике даёт гораздо более резкую оценку действиям Кирилла. Он прямо пишет, что патриарх «замыслил зло против иудеев» и что изгнание сопровождалось разграблением их имущества (The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, 1916, p. 13–15). Правда, этого автора отделяют от событий почти два века, и он явно симпатизирует монофизитской традиции, но его версию все же нельзя игнорировать, поскольку она показывает, что в коптской среде Кирилла воспринимали не как безгрешного святого, а как жёсткого и непримиримого политика.

Современные исследователи склоняются к тому, что Кирилл, скорее всего, не организовывал погромы, но использовал их результаты для укрепления своей власти, утвердив изгнание иудеев и конфискацию их имущества в пользу церкви (Russell, 2000, p. 35–40; McGuckin, 2004, p. 15–18). Интересно, что аналогичные механизмы (использование городских беспорядков для последующего перераспределения собственности) прослеживаются и в других эпизодах правления Кирилла. Например, в 416 году, уже после гибели Гипатии, патриарх без особого сопротивления со стороны имперских властей добился передачи под контроль церкви нескольких крупных складских комплексов в восточной части города (Haas, 1997, p. 268–270). Вероятно, к тому времени Орест уже был ослаблен политически и его вмешательство в имущественные споры стало минимальным. Это косвенно подтверждает, что главной линией разлома оставались не вероучительные разногласия между ними, а практическое администрирование.

Решающую роль в эскалации конфликта сыграло египетское монашество. Монахи, стекавшиеся в Александрию из Нитрийской пустыни, представляли собой грозную силу, плохо поддававшуюся контролю со стороны как светских, так и церковных властей. Сократ сообщает, что «около пятисот монахов, оставив свои обители, пришли из пустыни в город, вознамерившись сразиться за Кирилла» (Socr. Hist. eccl. VII, 14). На одной из улиц они встретили кортеж префекта Ореста и, узнав его, начали выкрикивать оскорбления, обвиняя в язычестве и вражде к христианам. Один из монахов, по имени Аммоний, бросил в префекта камень и ранил его в голову.

Реакция Ореста была быстрой и жестокой. Аммоний был схвачен, подвергнут пыткам и казнен. Кирилл со своей стороны распорядился с почётом похоронить тело казнённого, переименовав его в Фавмасия (*Θαυμάσιος* – «Чудный») и объявив мучеником за веру. Однако, как язвительно замечает Сократ, «люди рассудительные не одобряли этого поступка Кирилла, ибо знали, что Аммоний понес наказание за свое безрассудство, а не за исповедание Христа» (Socr. Hist. eccl. VII, 14). Этот эпизод демонстрирует, насколько опасным оружием было монашество и сколь легко религиозный пыл мог перейти в политическое насилие. При этом необходимо все же верно относиться к роли монашества того периода в таких сложных процессах, не воспринимая его исключительно как стихийную толпу. По данным папирологических находок из Оксирина,

нитрийские монастыри имели собственные иерархические структуры и даже элементы военной организации (Wipszyska, Markiewicz, 2007, p. 112-115). Это значит, что появление пятисот монахов в Александрии вряд ли было спонтанным или случайным явлением: скорее всего, речь идёт о заранее спланированной акции поддержки. Кирилл, возможно, не отдавал прямого приказа о нападении на Ореста, но мобилизовать «правильных» монахов в нужный момент он точно мог. Сам факт, что после гибели Аммония патриарх мгновенно запустил процедуру его прославления как мученика, говорит о том, что у него был готовый сценарий реагирования в подобной ситуации.

Кульминацией конфликта стала трагическая гибель философа Гипатии в марте 415 года. Необходимо отметить, что Гипатия поддерживала дружеские отношения с Орестом, который часто советовался с ней по вопросам управления городом (Socr. Hist. eccl. VII, 15). В глазах александрийской черни, и особенно монашества, эта близость делала ее ответственной за политику префекта и его сопротивление Кириллу. Сократ прямо связывает гибель Гипатии с этими обстоятельствами: «*Ἐπειδὴ γὰρ συνετύγχανε τῷ Ὁρέστει συχνότερον, διαβολὴ τοῦτο ἐγένετο παρὰ τῷ ἐκκλησιαστικῷ πλῆθει, ὥς ἄρα αὐτὴ εἴη ἢ μὴ συγχοροῦσα τῷ Ὁρέστει εἰς φιλίαν τῷ ἐπισκόπῳ συνελθεῖν*» (Socr. Hist. eccl. VII, 15). / «Так как она часто беседовала с Орестом, то в церковном народе возникла клевета, будто бы она не позволяет Оресту вступить в дружбу с епископом».

Толпа, возглавляемая неким чтецом Петром, напала на Гипатию, когда та возвращалась домой. Её стащили с колесницы, приволокли в церковь, где, по словам историка, «сорвав с нее одежды, убили черепицами», а затем растерзанное тело сожгли (Socr. Hist. eccl. VII, 15). Это зверское убийство потрясло современников и наложило неизгладимое пятно на репутацию Александрийской церкви.

До настоящего времени вопрос об ответственности Кирилла за убийство Гипатии остается одним из самых спорных в историографии. Наиболее радикальную версию событий предлагает неоплатоник Дамаский. В своей работе «Жизнь Исидора» он прямо возлагает ответственность за убийство на епископа Кирилла, объясняя его поступок завистью к мудрости и популярности Гипатии (Damascius, 1967). Как сообщает византийская энциклопедия X века «Суда», в которой сохранились фрагменты труда Дамаския, патриарх, движимый этой завистью, «немедленно начал плести заговор [против] её убийства, причем самого беззаконного из убийств» (Suidae Lexicon, 1935, p. 644-645). Важно отметить, что версия Дамаския, хотя и яркая, является крайне тенденциозной. Как представитель уходящей языческой интеллектуальной элиты, он был заинтересован в создании образа «мученицы за античную учёность». Именно такой образ, по его мнению, должен был дискредитировать христианскую церковь. Следовательно, его свидетельство требует критического анализа, однако сам факт появления подобного замечания доказывает, что даже спустя сто лет в философской среде не сомневались в прямой причастности Кирилла. Церковные историки позднейшего времени (Феодорит, Евагрий) обходят этот эпизод молчанием.

Западная наука предлагает разные оценки этого процесса. Католическая апологетическая традиция, как показывают современные исследователи (например, Сильвия Ронкей (Ronchey, 2024, p. 349-372)), долгое время стремилась полностью оправдать Кирилла, указывая на отсутствие прямых доказательств его вины. Сходные взгляды высказывались и в медицинской периодике начала XX века, где убийство Гипатии связывали с «фанатичной пропагандой против язычества», но при этом фиксировали, что Рим не проявил воли наказать виновных (Sedgewick, 1902, p. 455). Протестантская историография (Schwartz, 1928, p. 15-20) занимала более критическую позицию, обвиняя Кирилла в создании атмосферы нетерпимости, сделавшей подобное убийство возможным.

В последние десятилетия возобладали более нюансированный подход: большинство исследователей (Dzielska, 1995, p. 90-100; Watts, 2006, p. 200-210; McGuckin, 2004, p. 20-22) признают, что Кирилл, скорее всего, не отдавал прямого приказа об убийстве, но его политика, направленная на мобилизацию монашества против языческой угрозы и нагнетание страстей против политических противников, создала условия, в которых такое убийство стало возможным. Э. Уоттс (Watts, 2006, p. 200-210) утверждает, что убийство Гипатии, вероятно, не было заранее спланированной акцией патриарха. По его мнению, эта трагедия стала результатом спонтанной эскалации уличного насилия, когда толпа фанатиков-параваланов решила действовать самостоятельно, намереваясь «отправить сообщение» Оресту и показать, что его сопротивление бесполезно. М. Дзельска, в свою очередь, подчеркивает политический, а не религиозный характер убийства. Она доказывает, что Кирилл целенаправленно создал в городе атмосферу ненависти к своим политическим противникам, сделав их «врагами веры» (Dzielska, 1995, p. 90-100). В этом контексте убийство Гипатии – это не результат фанатизма, а политическое преступление, совершенное в разгар борьбы за власть. М. Дзельска даже допускает, что непосредственными исполнителями могли быть не просто фанатики, а личная гвардия патриарха.

Важный нюанс, который редко обсуждается в литературе, – это правовая коллизия: убийство Гипатии формально подпадало под юрисдикцию не церковного, а гражданского суда. Орест как префект должен был провести расследование и наказать виновных. Однако, как справедливо отмечает Э. Уоттс (Watts, 2006, p. 201-203), в сохранившихся нарративных источниках нет никаких указаний на то, что такие следственные действия вообще предпринимались. Сами же источники (Сократ, Дамаский, Иоанн Никиусский) молчат об этом, что само по себе красноречиво. Это молчание можно интерпретировать двояко: либо Орест был настолько деморализован происходящим, что не решился на конфронтацию с Кириллом, либо он понимал, что толпой управляли люди из ближайшего окружения патриарха и доказать прямую связь было невозможно. В любом случае, отсутствие судебного преследования убийц – само по себе важный политический симптом.

Ещё один аспект, требующий внимания, – это гендерное измерение конфликта. Гипатия была не просто философом, но публичной женщиной-интеллектуалом в обществе, где женское образование воспринималось

настороженно даже в языческой среде. Христианские источники практически не комментируют её гибель именно как убийство женщины, зато позднеантичные неоплатоники (Дамаский, Симпликий) выстраивают из её образа фигуру мученицы за античную учёность (Dzielska, 1995, p. 95–98; Watts, 2006, p. 204). Парадокс в том, что в долгосрочной перспективе Александрийская церковь, осудившая крайности насилия, всё же канонизировала Кирилла, а Гипатия осталась в памяти как трагический символ уходящей эпохи. Этот разрыв в коллективной памяти говорит о том, что позднеантичное общество так и не выработало устойчивых механизмов защиты «независимых интеллектуалов» от давления со стороны властных группировок – будь то церковных или светских.

Независимо от того, какова была роль Кирилла в убийстве Гипатии, само по себе это событие, случившееся на территории, находящейся под его церковной юрисдикцией, имело далеко идущие последствия для интеллектуальной среды Александрии. К. Хаас полагает, что эта ситуация привела к ослаблению политических и антиязыческих амбиций Кирилла, но по мнению Э. Уоттса (Watts, 2006, p. 202) данная интерпретация слишком упрощена. Очевидно, что убийство такого крупного ученого не могло не отразиться на некоторых репутационных показателях Александрийского патриарха, при этом маловероятно, что это могло серьезным образом повлиять на усиление христианства в городе и противостояние языческой среде. Так, в 415 г. язычники были исключены из службы в армии и из административного управления (Болгова, 2018, с. 144). При этом для Кирилла и его отношений с языческими интеллектуалами все же были свои последствия. После смерти Гипатии в городе активировался бесконтрольный рост ямвлихского неоплатонизма (Artemi, 2007, p. 15). Это было обусловлено тем, что ее христианские ученики, посещавшие традиционные языческие школы, стали возвращаться к тем ямвлихским учителям, от которых уходили ранее. То есть Кирилл сам создал ситуацию, при которой афинские философы с ямвлиховским неоплатонизмом стали доминировать в Александрии.

Учитывая, что в 420–430-е годы достаточно много студентов-язычников покинули город и переехали в Афины, стоит отметить, что это не снизило критическое качество интеллектуальной жизни. Часть вернулась обратно, но уже с другим материалом, сильно отличавшимся от того, который преподавался в школе Гипатии. Проблема заключалась лишь в том, что это ямвлиховское учение было крайне плохо приспособлено под нужды христианских студентов (поскольку христиан в Афинах было не так много, как в Александрии, то и такой задачи остро не стояло). Независимые христианские учителя бросили вызов сильно языческой учебной программе, и идеи ямвлихских учителей подверглись нападкам в христианских интеллектуальных кругах. Но к середине V века церковь стала мало интересоваться учениями неоплатонических философов, вследствие чего конфликт между христианством и учением Ямвлиха был тихим. Обострение отношений произошло чуть позже и привело к заключению соглашения между Аммонием Гермием (схолархом) и Петром Монгом (около 489 года) (Watts, 2006, p. 204–205).

Заключение

Конфликт Кирилла и Ореста (412–415 гг.) представляет собой последовательную эскалацию политического противостояния, ключевыми этапами которой стали: борьба за юрисдикцию над иудейской общиной, вмешательство пятисот нитрийских монахов, нападение на префекта, казнь Аммония с последующим прославлением его как мученика и, наконец, убийство Гипатии. Противостояние носило не религиозный, а политический характер – столкновение двух центров власти в позднеантичном полисе. Прямых доказательств того, что Кирилл отдавал приказ об убийстве Гипатии, не существует. Однако патриарх своей политикой по мобилизации монашества и нагнетанию страстей против политических оппонентов создал в Александрии атмосферу нетерпимости, в которой подобное преступление стало возможным. Таким образом, речь идёт о косвенной, а не прямой ответственности церковного иерарха. Вопреки распространённому мнению, убийство Гипатии не привело к упадку интеллектуальной жизни Александрии, но трансформировало её. Отток студентов-язычников в Афины и их последующее возвращение способствовали бесконтрольному росту влияния ямвлихского неоплатонизма, который оказался менее адаптирован для христианской аудитории, чем школа Гипатии.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном анализе конфликтов между церковной и светской властью в других центрах позднеантичного мира (Антиохия, Константинополь, Равенна), а также в более детальном изучении механизмов взаимодействия монашества с епископством в первой половине V века. Предварительный анализ показывает, что Александрийский опыт противостояния 412–415 годов уникален по степени эскалации уличного насилия, но не по своей структуре. В Антиохии того же периода епископ Иоанн Златоуст тоже конфликтовал с префектом, однако дело ограничилось ссылками и церковными решениями. Но в Александрии ситуация приобрела иной масштаб, что было обусловлено слабостью имперской власти в Египте, установившимися традициями городских «фракций» и высокой концентрацией монашества в ближайшей пустыне. Без этих местных особенностей конфликт вряд ли привёл бы к убийству публичного интеллектуала.

Материалы исследования | Research materials

1. Сократ Схоластик. Церковная история / пер. с греч. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014 (Socrates Scholasticus. *Historia Ecclesiastica* // *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. P., 1864. T. 67).
2. Damascii. *Vitae Isidori Reliquiae* / ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1967.
3. Suidae Lexicon // *Lexicographi Graeci recogniti et apparatu critico instructi* / ed. A. Adler. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1928–1938. Vol. I–V.
4. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / trans. R. H. Charles. L., 1916.

Источники | References

1. Болгова А. М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018.
2. Artemi E. St Cyril of Alexandria and his relations with the ruler Orestes and the philosopher Hypatia // *Ecclesiastic Faros of Alexandria*. 2007. Vol. 1.
3. Dzielska M. Hypatia of Alexandria. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
4. Haas C. Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
5. Lallemand J. L'administration civile de l'Égypte de l'avènement de Dioclétien à la création du diocèse (284-382). Bruxelles: Académie royale de Belgique, 1964.
6. McGuckin J. A. St. Cyril of Alexandria: The Christological Controversy. Its History, Theology, and Texts. Leiden, 2004.
7. Ronchey S. The Young Pope and the Popes. Cyril and Hypatia in Western Confessional Struggles // *Studi e Materiali di Storia delle Religioni*. 2024. Vol. 90. No. 1.
8. Russell N. Cyril of Alexandria. L.: Routledge, 2000.
9. Schwartz E. Cyrill und der Mönch Viktor. Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 1928.
10. Sedgewick W. T. The Modern Subjection of Science and Education to Propaganda // *Journal of the American Medical Association*. 1902. Vol. XXXVIII. No. 7.
11. Watts E. J. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006. <https://doi.org/10.1525/california/9780520244214.001.0001>
12. Wipszycka E., Markiewicz T. Alexandria: Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education / ed. by T. Derda. Warsaw: Fundacja im. Rafala Taubenschlaga, 2007.

Информация об авторах | Author information**RU****Абдулманова Ирина Валерьевна¹**, д. ист. н.¹ Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

EN**Irina Valeryevna Abdulmanova¹**, Dr¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin; Belgorod State National Research University (BelSU)¹ zajcevil@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 08.04.2026; опубликовано online (published online): 03.08.2026.

Ключевые слова (keywords): Кирилл Александрийский; префект Орест; философ Гипатия; позднеантичная Александрия; Cyril of Alexandria; Prefect Orestes; philosopher Hypatia; late antique Alexandria.